

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Номер подготовлен
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан (проект
№ 23-28-10046) в соответствии
с Программой стратегического
академического лидерства
Казанского (Приволжского)
федерального университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/mt8g-2b6e-f1e2

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVII • 2024 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 300-летию Российской академии наук

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 12.12.2024

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ № 188

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2024

© Коллектив авторов, 2024

В НОМЕРЕ:

- М. А. Лиджиев.** Е. Э. Хабунова — ученый-фольклорист (к 70-летию)..... 5
Я. Д. Леман. К юбилею Анны Дамдиновны Цендиной 9

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И. А. Алимов.** «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: внешний и старый город 15
И. О. Собенникова. Русское купечество Забайкалья и Монголия
(по материалам истории одного рода)..... 26
Ю. А. Иоаннесян. Л. Ф. Богданов/Л. С. Дугин — незаурядный иранист,
исследователь, переводчик 32

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- С. Г. Батырева.** Константы калмыцкого героического эпоса «Джангар»
в фольклорных мотивах творчества Гаря Рокчинского 43
Ц. Тумэнбаяр. Особенности женских образов в произведениях Д. Нацагдоржа..... 54
Maria P. Petrova. Atmospheric stories by Dan. Nyama 60

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- С. М. Трофимова.** «Деятельность ученого примечательна не только научными трудами,
но и обаянием его человеческой натуры»..... 65
И. В. Кульганек, Д. А. Носов. Международная научная конференция
«Седьмые Петербургские монголоведные чтения» (Санкт-Петербург, 2–3 октября, 2024 г.) 72

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186. Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVII • 2024 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/mt8g-2b6e-f1e2

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2024

© Group of authors, 2024

IN THIS ISSUE:

- Mivgiyan A. Lidzhiev.** Evdokiya E. Khabunova — Specialist in Folklore (On the 70th Anniversary) 5
Jana D. Lehman. On the Anniversary of Anna Damdinovna Tsendina 9

SOURCE STUDIES

- Igor A. Alimov.** «Dong Jing Meng Hua Lu»: Outer and Old City..... 15
Inna O. Sobennikova. Russian Merchants of Transbaikal and Mongolia
(Based on the Materials of the History of One Family) 26
Youli A. Ioannesyan. L. F. Bogdanov/L. S. Dugin — an Extraordinary Iranologist,
Researcher, Translator..... 32

STUDIES IN PHILOLOGY AND ARTS

- Svetlana G. Batyreva.** Constants of the Kalmyk Heroic Epic “Dzhangar”
in Folklore Motifs of Gari Rokchinsky’s Works..... 43
Ts. Tumenbayar. Features of Female Characters in the Works of D. Natsagdorj..... 54
Maria P. Petrova. Atmospheric Stories by Dan. Nyama..... 60

ACADEMIC LIFE

- Svetlana M. Trofimova.** “The Scientist’s Activity is Notable Not Only for His Scientific Works,
but Also for the Charm of his Human Nature” 65
Irina V. Kulganek, Dmitry A. Nosov. The international scientific conference
“The Seventh St. Petersburg Mongol Readings” (St. Petersburg, October 2–3, 2024) 72

Ю. А. ИОАННЕСЯН
Институт восточных рукописей РАН

Л. Ф. БОГДАНОВ / Л. С. ДУГИН — НЕЗАУРЯДНЫЙ ИРАНИСТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК

Целью данной статьи является освещение этапов биографии и выборочный обзор трудов русского и французского востоковеда и дипломата, выпускника Петербургского университета Л. Богданова, прожившего большую часть жизни в эмиграции и внесшего ценный вклад как в иранистику, так и в популяризацию достижений русской школы востоковедения за пределами России. В работе использованы материалы из Архива ИВР РАН и рассматриваются основные работы ученого.

Ключевые слова: иранистика, иранская диалектология, история востоковедения.

Об авторе: Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю. А., 2024

Среди русских востоковедов, разбросанных по свету судьбой после большевистской революции, был Леонид Федосеевич (Феодосеевич) Богданов, сменивший после получения французского гражданства фамилию и имя на Леонид Станислас Дугин, автор работ по Персии, персидской в широком смысле диалектологии и суфизму, один из фондообразователей рукописной коллекции Азиатского Музея (ныне ИВР РАН). Сведений о его биографии немного, их приходилось собирать по крупицам. Главными (но не единственными) источниками для данной статьи, в которой мы кратко осветим основные этапы жизни и деятельности Богданова, а также сделаем выборочный обзор его важнейших работ, послужили некролог об этом ученом и фонд В. Ф. Минорского² из Ар-

хива востоковедов ИВР РАН, включающий и переписку Богданова с Минорским с 1920 по 1931 гг. Последний в материалах от 13.09.1923 г. из указанного архива характеризует Богданова следующим образом: «Богданов замечательный лингвист..., мистик» [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 347].

Дату рождения ученого нам удалось найти на фотографии его могилы: 22.02.1881 г. Этот же год указан и в некрологе. Известно, что он учился в Петербургском университете. В приписке к письму Богданова от 22.01.1923 г. говорится: «Богданов — ученик Жуковского и Залемана»³ [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 16⁴].

¹ Автор выражает искреннюю благодарность за помощь при работе над статьей сотрудникам Архива востоковедов (далее — АВ) ИВР РАН и отдельно Е. Ю. Янушкевич и Е. П. Лекаревой.

² Владимир Федорович Минорский (1877–1966) — известный русский востоковед и дипломат, исследователь Персии и Закавказья, курдовед. Служил в представительствах МИД России в Персии и Турции. После революции эмигрировал из страны.

³ Валентин Алексеевич Жуковский (1858–1918) — крупный русский востоковед-иранист, член-корреспондент Петербургской АН, профессор Петербургского университета, автор исследований в области персидского языка и литературы, фольклора, этнографии и истории Ирана. Карл Германович Залеман (1860–1916) — известный российский филолог-иранист, академик Петербургской АН, директор Азиатского музея АН (1890–1916).

⁴ Пагинация в архивной папке с этой перепиской путанная, единая нумерация страниц отсутствует, в ряде случаев нам придется указывать номер листа пометой «Л.», в других — номер страницы конкретного письма: «С.».

Он сам говорит о себе в одной из статей, что в 1901 г. он был студентом профессора В. А. Жуковского⁵ [Dugin, 1943. P. 319]. По окончании Университета он преподавал на курсах востоковедения в Петербурге/Петрограде. Об этом свидетельствует не только запись в архиве Минорского, но и выпущенная Богдановым книга. Так, в архивных материалах говорится: «В качестве переводчика французской миссии в Кабуле посланник Фуше взял Л. Ф. Богданова, бывшего преподавателя курсов востоковедения в Петрограде, потом служащего в Учетно-Ссудном Банке Персии, потом в предприятиях Хоштарии⁶, потом Миссии в Тегеране и т. д.» [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 347]. Однако, судя по некоторым данным, Богданов длительно пребывал в Персии как минимум дважды, так как в его монографии о Персии, вышедшей в Петербурге в 1909 г., говорится, что она представляет собой курс публичных лекций автора, прочитанных в 1907/08 академическом году в Обществе Востоковедения на основе сведений, полученных во время трехлетнего пребывания в Персии [Богданов, 1909. С. I, II]. Был ли на момент выхода книги ее автор действующим преподавателем Университета или нет, мы достоверно сказать не можем, но на обложке он представлен как «Преподаватель Курсов Востоковедения». С другой стороны, 1907–1909 гг. входят в период, в который Богданов присылал рукописи в Азиатский Музей. Так, О. Ф. Акимешкин пишет: «Нельзя не отметить здесь собирательскую деятельность питомца Восточного факультета служащего Русско-персидского учетно-ссудного банка в Тегеране Л. Ф. Богданова, который, руководствуясь письмами К. Г. Залемана, с 1904 по 1914 г. приобрел для Музея 246 рукописей, преимущественно персидских»⁷. Как явствует из этого указания, рукописи присылались из Персии. Сам Богданов в статье, рассматриваемой ниже, говорит, что

⁵ Все трое видных иранистов преподавали тогда в Санкт-Петербургском университете, и Богданов вполне мог считаться учеником их троих.

⁶ По поводу «Хоштарии» у нас ясности нет.

⁷ О. Ф. Акимешкин. К истории формирования фонда мусульманских рукописей. <http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1406> (Дата обращения: 02.11.2024).

афганский садовник работал в его саду в Тегеране в 1907 г. [Bogdanov, 1930. P. 1]. Налицо противоречие. С одной стороны, Богданов на момент чтения лекций в Обществе Востоковедения в 1907/8 г. и выхода книги в 1909 г. уже должен был провести три года в Персии, так как лекции и книга основаны на собранных им во время поездки сведениях, с другой стороны, с 1904 по 1914 г. он присылал в Азиатский Музей рукописи из Персии и имел садовника в Тегеране в 1907 г. Логический выход из этого противоречия один — Богданов бывал в Персии неоднократно, как минимум дважды — один раз приблизительно до середины 1907 г., второй раз — после 1908 г. В интервале между этими поездками, в 1907–1908 академическом году он был в Петербурге и читал лекции. В Русской дипломатической миссии в Тегеране Богданов служил до момента своего переезда в Индию, который произошел после 1920 г. А вот на какой период приходится его служба в Учетно-Ссудном Банке Персии, предшествовавшая его работе в Миссии, наши источники точного ответа не дают.

Из писем Богданова Минорскому следует, что после победы большевистской революции в Петрограде сотрудники Миссии еще несколько лет оставались лояльными прежнему режиму и продолжали исполнять свои функции. Но после прибытия в Миссию нового штата уже советских работников часть прежних сотрудников перешла на сторону большевиков. Богданов же покидает Персию и переезжает в Индию. Связан ли этот переезд с политическими изменениями или нет, мы точно сказать не можем, так как Богданов избегает в переписке с Минорским обсуждения политических вопросов. Возможно также, что его письма с политической тематикой, если таковые были, просто не попали в АВ ИВР РАН по идеологическим соображениям. При всех случаях, есть основания утверждать, что политика явилась не единственным мотивом для переезда в Индию.

В своих письмах от 9/22.10 и 12/25.10.1920 г. Богданов очень просит Минорского помочь ему с получением должности в Индии, куда он намерен переехать непременно для серьезных занятий санскритом, уйдя со службы в Миссии в

Тегеране [АВ ИВР РАН. Оп. 3. Ед. хр. 501. С. 2–3, 8–9⁸]. Письмо от 12/25.10.1920 г. еще отправлено из Тегерана. Оно в некотором смысле проливает свет на интересы Богданова. Так, он пишет: «Теперь я стал старше и слишком много занимался за последние годы теософией, чтобы не суметь проявить в отношении Гильда⁹ той кротости, которая мне подобает...» [Там же. Ед. хр. 501. С. 12]. А письмо от 28.07.1921 г. уже выслано из г. Бомбея в Индии за подписью «L. Bogdanov» [Там же. С. 1]. Следовательно, его переезд в Индию состоялся на временном отрезке между концом 1920 г. и серединой 1921 г., что вполне соответствует и указанию Минорского в архивных материалах от 13.09.1923 г.: «После 1920 г. Богданов жил в Индии, зарабатывал деньги переводами» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. В упомянутом выше своем первом письме из Индии Минорскому из архива ИВР РАН сам Богданов пишет: «Кое-что заработал: две мои статьи по персидским вопросам были напечатаны в "Advocate of India"» [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. С. 2]. Далее он продолжает: «Сейчас я работаю над тарджи'бендом¹⁰ Хâтифа Исфâхânî¹¹... Сообщите, что имеется о Хâтифе в Парижской библиотеке? <...> Если Вам понадобятся какие-либо справки о здешних библиотеках ("Molla Firooz Library" и "Bombay Branch R.A.S."), я почту себя счастливым быть Вам полезным <...> Посланное на днях на Ваш адрес письмо не откажите в любезности срочно переслать Степану Георгиевичу Лианозову» [Там же. С. 6–7].

В материалах из архива от 13.09.1923 г. Минорский пишет: «В последнее время [Богданов] состоял преподавателем персидского языка в университете Рабиндраната Тагора» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. Университет находится в г. Шантиникетан (Западная Бенгалия). Сам Богданов так описывает свою преподавательскую деятельность в письме от 22.01.1923 г.¹²:

⁸ Эти два письма объединены общей нумерацией страниц.

⁹ Сокращенный вариант фамилии его начальника — Гильдебрандта.

¹⁰ Тарджибанд — строфическая форма восточной поэзии.

¹¹ Видный поэт XVIII в.

¹² Письмо подписано следующим образом: «From L. Bogdanov, e/o The Viswa-Bharati University, Santiniketan P.O. Beerbhumi, Bengal, India».

«...Я вернулся, наконец, к преподавательской, если не вполне научной деятельности Santiniketan — «ашрама» («пустынь», «обитель») Рабиндранат Тагора, который пригласил меня в недавно основанный им здесь индоевропейский Университет читать персидскую словесность. Профессора арабского здесь пока нет, нет также и лектора по персидскому языку, так что приходится быть «homme à-tout-faire»¹³: читать курс арабской грамматики, преподавать персидскую каллиграфию и т. д. ...» [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 16]. Далее он продолжает: «Вы поймете, как я счастлив, что могу, хотя и несовершенно, отдаться работе по своему любимому предмету, да при этом, еще живя в атмосфере мыслей великого Поэта¹⁴ и в ежедневном с ним общении. Santiniketan находится в 3–4 верстах от линии железной дороги, здесь имеется собственная почтово-телеграфная К-ра (мой телеграфный адрес: Bogdanov Santiniketan), небольшая кооперативная лавка...» [Там же. Л. 17]. По тону письма видно, что его автор полон энтузиазма. Это подтверждается и следующими строками из того же письма: «Пожизненный Канцлер (Chancellor) Ин-та сам Поэт; Вице-Канцлер — шотландец С. Ф. Andrews (эллинист, магистр Кембриджского Ун-та, однокашник Э. Г. Броуна¹⁵) <...> Климат здесь прекрасный (это в 175 верстах к северо-западу от Калькутты) <...> У меня пока только 9 лекций в неделю, так как до сих пор до меня персидский язык не читался, и имеется только I курс» [Там же. Л. 17–18]. Будучи возвращенным российской школой востоковедения, Богданов просит Минорского прислать ему труды своих бывших русских коллег: «Не представлялось ли бы возможным приобрести в Париже словарь к хрестоматии и Корану В. Гиргаса? Его же хрестоматию ч. I и II? «Жизнь и Речи» и «Тайны Единения» Абу Саїда?¹⁶... Особенно необходимо было бы мне «Человек и Познание у персидских мистиков» (актовая речь В. А. Жуковского)» [Там же. Л. 16].

¹³ Мастером на все руки (франц.).

¹⁴ Очевидно, подразумевается Рабиндранат Тагор.

¹⁵ Эдвард Гранвилл Браун (E. G. Browne, 1862–1926) — видный британский востоковед.

¹⁶ См.: Жизнь и речи..., 1899 и Тайны единения..., 1899.

Следующее по хронологии письмо из архива переносит нас в 30-е годы и датировано 27.07.1931 г. [Там же. Л. 19]¹⁷. Оно отослано из Калькутты и в ней примечателен адрес, указанный Богдановым для направляемых ему писем:

M. L. Bogdanov
aux bons soins du¹⁸
Consulat général de France,
18 B, Park Street,
Calcutta
India

Иными словами, Богданов, хотя по-прежнему находится в Индии, но просит направлять ему письма через французское консульство. Минорский пишет: «В качестве переводчика французской миссии в Кабуле посланник Фуше взял Л. Ф. Богданова, бывшего преподавателя курсов востоковедения в Петрограде» [Там же. Оп. 1. Ед. хр. 347]. В некрологе о Богданове утверждается, что «Он был переводчиком во французской миссии в Кабуле в 1923–7 годах¹⁹, после чего он вернулся в Университет Тагора. В 1932 г. он получил французское гражданство и сменил фамилию на Дугин»²⁰ [Frye, 1946. P. 278]. Временной перерыв в архивных письмах Богданова Минорскому, вероятно, и объясняется нахождением Богданова с 1923 г. по 1927 г. в Кабуле. Письмо же от 1931 г. из Калькутты, всего за год до получения им французского гражданства, возможно, свидетельствует, что и там он уже пребывал в качестве сотрудника французской миссии. Однако и здесь, в новом качестве Богданов о своих научных интересах не забывал. Так, в указанном письме он выражает интерес к среднеиранским языкам, а в письме от 02.12.1931 г. также из Калькутты он пишет: «Надеюсь, что Вам удастся выяснить положение моих “Contes du Perroquet” (Сказ-

ки попугая. — Ю. И.) у Genthner’a, чтобы я мог понять, чего мне ожидать от этого странного издательства <...> Кроме письма, я послал Вам отдельным пакетом экземпляр отдельного оттиска моего перевода статьи Ф. А. Розенберга²¹ «О вине и пирах в персидской национальной Эпопее» и экземпляр 2-го издания моего перевода “Das iranische Nationalepos” Noeldeke...»²² [АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 501. Л. 20]. «Contes du Perroquet» — это дидактические рассказы *Тутти-наме* «Сказки попугая», на персидском тексте которых взросло не одно поколение ленинградских и петербургских иранистов [См. Сказки попугая..., 1887]. Французский перевод Богданова этих рассказов также вышел в 1938 г. (см. ниже).

Это письмо явилось последним из архива Минорского. Как говорится в некрологе, он продолжал лекционную деятельность в Университете Калькутты в период 1932–41 гг., а с 1941 г. и до своей смерти исполнял обязанности консульского атташе во французской дипломатической миссии в Кабуле, Афганистан²³ [Frye, 1946. P. 278]. Богданов ушел из жизни 12.09.1945 г. и похоронен на Британском кладбище в Кабуле. Имеется фотография его могилы с православным крестом.

Прежде чем перейти к выборочному обзору главных работ ученого, укажем, что их относительная малочисленность никак не умаляет их достоинства. Начнем с его монографии (пособия для слушателей курсов востоковедения): «Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном положении», изданной в 1909 г. В книге приводятся ценные сведения по регионам Персии, ее населению, обычаям, религиозному разнообразию и т. д., почерпнутые автором во время пребывания в этой стране. Отдельную значимость имеют пространные пассажи о но-

¹⁷ Это, предшествующее и последующее письмо имеют единую нумерацию листов.

¹⁸ Просьба передать через...

¹⁹ С этой информацией совпадает и указание самого Богданова в его статье, о которой речь пойдет ниже, что он находился в Кабуле с сентября 1923 г. по ноябрь 1927 г. [Bogdanov, 1930. P. 1].

²⁰ He was, an interpreter in the French Legation in Kabul 1923–7, after which time he returned to Tagore’s University. In 1932 he was naturalized as a French citizen, and changed his last name to Dugin».

²¹ Федор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867–1934) — российский и советский востоковед-иранист, член-корреспондент АН СССР.

²² Теодор Нёльдеке (нем. Theodor Nöldeke, 1836–1930) — немецкий ориенталист, автор работ по семитологии, арабистике, иранистике, тюркологии.

²³ He was a lecturer in Persian in Calcutta University in 1932–41. From 1941 till the time of his death he was acting consular attache in the French Legation, Kabul, Afghanistan.

вых религиозных феноменах — бабизме и вере бахаи [Богданов, 1909. С. 54–59], на чем мы остановимся подробнее.

Большое место в данной работе уделено обоснованию независимого характера бабизма и религии бахаи. Так, Богданов пишет: «Учение бабидов сравнительно настолько недавнего происхождения, что критическая оценка этого учения вряд ли возможна даже и для лица более знакомого с ним, чем я. Постараюсь, поэтому, лишь вкратце изложить факты и рассказать в немногих словах, как произошла и развилась эта новая и самостоятельная религия, которую некоторые исследователи считают почему-то обновлением ислама, или, что еще рискованнее, одной из его сект» [Богданов, 1909. С. 54–55]. Богданов даже полемизирует с известным знатоком религии бахаи того времени А. Г. Туманским, считая, что тот недостаточно четко и последовательно определял новый религиозный феномен как независимую религию: «Даже такой знаток бабизма, как А. Г. Туманский, в своем введении к изданной им „Китабе Акдес“, пытаясь быть осторожным в своих положениях, говорит: „Мы не можем, строго говоря, ту религиозную революцию, из которой родился нео-бабизм, назвать эпохой возникновения новой-религии, так как именно термин „религия“ еще несколько рискованно приурочивать к тому учению...» [Там же. С. 55]. И далее Богданов приводит вполне справедливые доводы: «То, совершенно случайное, обстоятельство, что бабизм возник в исламской стране, еще не дает нам права считать его за реформу ислама. Никто, конечно, не будет отрицать, что реформой, в широком смысле этого слова, можно назвать всякую религию, вытесняющую более раннее вероучение, если только основное представление о божестве будет одно и то же у обеих, иными словами религия политеистическая не может быть названа реформой какого-бы то ни было учения, основным догматом которого является монотеизм, и наоборот. С этой точки зрения, христианство может быть названо реформой иудейства, но ислам не есть реформа сабеизма. С другой стороны, хотя Мухаммедом и были положены в основу его вероучения некоторые

догматы христианства и иудейства, тем не менее, ни один безпристрастный исследователь не сочтет возможным назвать ислам реформой в тесном смысле слова, той или другой из этих религий. Точно так же и бабизм, хотя и возник в прямом и переносном смысле на исламской почве, должен быть признан реформой религии вообще, а не какого-либо одного религиозного учения, будь то ислам или христианство, т. е. другими словами, новой, самостоятельной религией, на что указывает отчасти и явившаяся потребность в новых вероучительных книгах: не будь их, — бабизм можно было бы, пожалуй, считать реформой ислама в тесном смысле, т. е. новой исламской сектой» [Там же]. «То обстоятельство, что Туманский считает нужным прилагать к бабизму критерий „христианской морали“, уже ясно показывает, что он сам считает бабизм самостоятельной религией» — заключает Богданов [Там же].

Контекст не всегда позволяет нам понять, когда Богданов говорит о бабизме как таковом, а когда он подразумевает возникшую на его почве религию бахаи или их вместе, поскольку в его время термин «бабизм» мог прилагаться к обоим этим тесно связанным между собой явлениям, как и «бабиды» могли означать последователей и того, и другого. Четкая дифференциация в употреблении обозначений «бабизм», «бабиды» и «бахаи» появилась в России и в СССР несколько позже. Вот, что, в частности, Богданов пишет о Бабе: «это был молодой человек, получивший тщательное богословское образование²⁴, знакомый с философией и со священными книгами гебров. Будучи весьма молодым, он совершил паломничество в Мекку и, после своего возвращения оттуда, еще ревностнее занялся вопросами философии и религии. Мало-помалу его знания и его красноречие собрали вокруг него небольшой кружок друзей, которые стали затем его последователями. Первой книгой, которую он написал, был комментарий на XII суру Корана. Многие из его

²⁴ Здесь Богданов неточен. Баб богословского образования не имел, его готовили к карьере торговца, которым он изначально и стал.

выводов и своеобразное понимание этой суры возбудили в его слушателях глубокий интерес. Популярность его возрастала с каждым днем. Где бы он ни появился, всюду у него находились слушатели, жадно внимавшие его проповедям, в которых порядком доставалось духовенству. Муллам это очень не нравилось, и лучшие диалектики и богословы из них стали вступать с ним в словопрения, которые, однако, всегда кончались их полным посрамлением» [Богданов, 1909. С. 55]. Далее автор сообщает: «и в конце концов было запрещено Бабу выходить из своего дома, а духовенству вступать с ним в словопрения. Мирза Али Мухаммед покорился приказу, но никто не мешал его ученикам проповедывать новую религию по всей Персии» [Там же. С. 56].

После освещения некоторых вех бабидской истории, включая казнь Баба, Богданов переходит к религии бахаи и ее основателю — Бахаулле. И в данной области автор выказывает немалые знания, излагая последовательно события, связанные с зарождением этой религии и ее дальнейшим развитием. Он упоминает ряд ее основных Писаний: *Китаб-и-Агдас (Наисвятая Книга)*, *Китаб-и-Иган (Книга несомненности)*, *Алвах-и-Салатин (Послания к царям)*. Так, говоря о г. Акке, в которую в итоге был сослан Бахаулла османскими властями, Богданов пишет: «Отсюда Бахаулла написал свои знаменитые الواح سلاطين т. е. „послания к царям“: Насир-ед-Дин шаху, султану, королеве Виктории, Наполеону III и Александру II. Эти послания ясно показывают, что Баха²⁵ считает себя не реформатором ислама, а пророком, призванным создать новую всемирную религию, сделать всех людей братьями, уничтожить границы государств и дать всем людям один общий язык, который он предлагал выбрать из существующих уже языков» [Богданов, 1909. С. 57].

Говоря о перспективах новой религии, Богданов пишет: «Что касается ее будущности, трудно сказать что-либо заранее, хотя быстрые успехи бахаизма в Америке, — где, кажется насчитывается до 2-х тысяч прозелитов,

Франции, — где тоже есть беахисты, могли-бы, кажется, служить некоторым подтверждением жизнеспособности нового учения» [Богданов, 1909. С. 58]. Останавливается Богданов и на численности бахаи и последователей главного противника Бахаулла в бабидской среде Мирзы Йахьи (Азаля) — эзелитов: «Секта эзели²⁶ мало-помалу угасает; так в Тегеране мне пришлось встретить только одного господина, про которого говорили, что он эзели, да и это не удалось проверить. Беахистов же по всей Персии великое множество» [Там же. С. 57].

Самим бахаи Богданов дает следующую характеристику: «Мне неоднократно приходилось беседовать с беахистами... поэтому, хотя я и не могу никоим образом претендовать на осведомленность в вопросах бабидского богословия, тем не менее я слегка знаком с внешней, по крайней мере, стороной этой новой религии. Говоря о самих беахистах, могу только сказать, что это люди неутомимой энергии, в высшей степени честные и представляющие собою весьма дружную общину. Они претендуют на мировое значение беахизма, и вот почему я с уверенностью говорю, что это не секта ислама, а вполне самостоятельная религия» [Богданов, 1909. С. 57–58]. Далее он продолжает: «я далеко не принадлежу к апологетам беахизма, но должен по справедливости сказать, что красноречие и диалектические способности беахистов меня очень изумляли, а их знакомство с Кораном, Библией и Евангелием, а еще более их манера толковать некоторые места указанных книг просто поразительны» [Там же. С. 58].

В завершение этой части невозможно не отметить то поразительное обстоятельство, что на заре изучения бабизма и религии бахаи в России и на Западе Богданов уже обладал столь точными и полными сведениями о них.

Пространный очерк Богданова «Stray notes on Kābulī Persian» [Bogdanov, 1930] явился крупным шагом в изучении афгано-персидского языка (дари) и выявлении его специфики. Работа посвящена фонетике, грамматике и лексике дари в сравнении персидским язы-

²⁵ Т. е. Бахаулла.

²⁶ Т. е. эзелитов.

ком Ирана. В ней отсутствует дифференциация книжно-литературного и устного языков, а также просторечия и местных говоров. Едва ли можно ставить автору это в вину с учетом того, что, хотя у него и были предшественники в изучении афгано-персидского (например, Мирза Мухаммад Хасан Катиль из Индии, которому мы уделили особое внимание в отдельной статье [См.: Иоаннесян, 2024]), никто из европейских исследователей до Богданова не концентрировался так внимательно на особенностях дари. Поэтому, его можно признать пионером в данной области среди европейцев. Этим объясняются и неизбежно допущенные им отдельные ошибки в суждениях и выводах.

Несмотря на то, что Богданов не всегда оперировал удачными примерами, поскольку не мог или не считал необходимым собирать их в процессе полевых исследований, ему удалось четко определить линии, по которым проходят наиболее существенные различия между афгано-персидским и персидским языком Ирана, в чем и состоит вклад Богданова в будущую классификацию говоров языков персидского, дари и таджикского и значение его труда, сохраняющего свою ценность и поныне. Отмеченные различительные линии охватывают фонетику, морфологию и лексику. В этой работе и проявились блестящие способности Богданова как лингвиста, о чем писал еще Минорский (см. выше), а также прекрасное владение персидским (в широком смысле) языком. Ценным представляется замечание Богданова о тенденции к замене в живой речи в дари *ô* гласным *и*, однако утверждение того же по отношению к *ê* и *і* применительно к кабульскому диалекту и большинству говоров Афганистана (кроме северо-западных) является мало обоснованным [Bogdanov, 1930. P. 6]. Но выше уже отмечалось, что автор не делал различия между местными диалектами. Безусловным вкладом в лексикологию кабульского диалекта служит словарь с пояснением семантической специфики слов в сопоставлении с персидским языком Ирана. И здесь Богданов, возможно, сам не ведая, шел по стопам упомянутого уже Мирзы Мухаммада Хасана Катили (см. выше).

Трудно согласиться с Р. Фархади, охарактеризовавшим в предисловии к своей монографии очерк Богданова как «список лексических и грамматических ошибок, которые он (Богданов. — Ю. И.), к несчастью, считал „особенностью“» [Фархади, 1974. С. 11]. При такой характеристике неизбежно возникает вопрос, что такое «ошибка» в речи носителей языка или диалекта и не отражает ли она специфики местного диалекта? Однако в словах Фархади есть и некоторая доля истины. Богданов собирал свой материал преимущественно из печатных, т. е. письменных источников и «живой стихии» обыденного языка дариязычных афганцев, видимо, глубоко не знал. Эта особая приверженность к письменным памятникам в диалектологии может приводить к отрицательным последствиям. Только этим обстоятельством можно объяснить практически абсурдное утверждение автора, что язык *Табакат ас-суфийа* великого раннесредневекового персидского поэта из Герата Ансари есть «тот самый язык, на котором действительно говорят в наши дни в Афганистане»²⁷ [Bogdanov, 1930. P. 1]. Правда, язык указанного памятника отражает некоторые черты гератского диалекта своего времени, сохранившиеся в нем и поныне [Иоаннесян, 2015]. Однако, как показали исследования, сам гератский диалект лингвистически имеет весьма относительную связь с афгано-персидским языком и, если и может быть причислен к его говорам, то исключительно по политическому признаку, поскольку на нем говорят на территории Афганистана. Сам же этот диалект входит в хорасанскую группу персидских диалектов, отличных от говоров афгано-таджикской группы, к которой принадлежат диалекты центрального и северного Афганистана, т. е. собственно диалекты дари. Исследования в данной области появились намного позже Богданова, и он указанных нюансов не знал.

Богданов рассказывает в начале статьи о первых встречах с афганцами в его жизни, что пробудило его интерес к афгано-персидскому языку. Это произошло в августе 1923 г., когда

²⁷ Cp. the language actually spoken in our days in Afghanistan.

он прибыл в г. Пешавар на пути в Кабул. Именно тогда, по его собственному выражению, он стал «подозревать, с каким диалектом ему придется иметь дело в ближайшие четыре года» [Bogdanov, 1930. P. 1]. Не имея возможности опереться на работы предшественников, в вопросе определения особенностей афгано-персидского он должен был преимущественно рассчитывать на собственные силы, практически начав его изучение с нуля [Там же. P. 2]. Несмотря на не всегда репрезентативные примеры в его статье и некоторые ошибочные или спорные суждения автора в основном в частных вопросах, работа Богданова, тем не менее, в целом представляла собой существенный прорыв не только в исследовании одного языка дари. В ней Богданов фактически создал теоретическую базу и выделил критерии для будущей классификации диалектных групп единого массива близкородственных языков — персидского, дари и таджикского. Эти обстоятельства лишь высвечивают ценность его труда.

В 1943 г.²⁸ вышла еще одна работа нашего автора, посвященная известному сочинению персидского раннесредневекового суфийского мыслителя Худжвири *Каишф ал-махджуб* («Раскрытие скрытого за завесой»): “The Kashfu-l-Mahjūb of Abū-l-Hasan ‘Alī al-Jullābī”. Примечательно, что на этот раз Богданов уже выступает как Л. С. Дугин (L. S. Dugin)²⁹. Подтверждение того, что Богданов и Дугин — одно лицо, имеется в тексте самой работы. Так, в двух примечаниях автор отсылает читателя к рассмотренному нами выше Очерку по кабульскому диалекту, называя его «своим» [Dugin, 1943. P. 328, N. 6; P. 363, N. 7]³⁰.

Худжвири, полное имя которого, как оно приведено в Предисловии В. А. Жуковского к изданному им персидскому тексту сочинения, Абу-л-Хасан Али б. Осман б. Аби-Али ал-Джуллаби ал-Худжвири ал-Газневи, был одним из выдающихся теоретиков суфизма

XI в. н. э. и происходил, как указывает Жуковский, «из самой восточной части хорасанской области, города Газны» [Раскрытие скрытого за завесой, 1926. С. 1]. В данном его труде, служащем одним из наиболее авторитетных источников по суфизму, освещаются «путь» суфиев и сущность их «подвигов»³¹, объясняются их вероучения и речения, указания и намеки и др. концептуальные положения, такие как познание Бога, единство Бога, очищение, покаяние, молитва, любовь вообще и любовь Бога к святым³² и святых к Богу и т. п. [Там же. С. 11–12].

Статья Дугина (Богданова) четко разделяется на две части. Первая — это анализ и описание существовавших на тот момент изданий текста сочинения Худжвири и его переводов. Вторая — английский перевод лингвистической части Предисловия Жуковского, в которой последний делает обзор языковых особенностей памятника. Этот обзор особенно ценен, так как расширяет наши знания в области новоперсидского языка на достаточно ранней стадии его существования, а также отчасти персидской диалектологии в диахроническом аспекте.

В первой части Дугин скрупулезно перечисляет издания памятника и его переводы с краткой характеристикой каждого, наиболее подробно останавливаясь на упомянутом нами выше труде своего учителя — Жуковского. Здесь уместно отметить, что хотя этот первый раздел статьи и является оригинальной частью всей работы, именно во втором разделе раскрывается блестящий талант Богданова-Дугина как лингвиста и переводчика. Сам он указывает, что «автор этих строк решил буквально перевести все, что Жуковский хотел сказать»³³ о языке *Каишф ал-Махджуб*, отмечая в сносках отдельные случаи, в которых он (Дугин. — Ю. И.) оказался бессильным поделить [с читателем] взглядами великого ученого Жуков-

²⁸ Том, в котором опубликована эта работа, за 1942 г., но на обложке указан 1943 г.

²⁹ В некрологе содержится расшифровка этих инициалов: Leonidas Stanislas Dugin [Frye 1946. P. 278].

³⁰ Ср.: «v. my ‘Stray Notes on Kābulī Persian’...», «See for that my ‘Stray Notes on Kābulī Persian’...».

³¹ Т.е. подвигов в мистическом смысле.

³² В современных отечественных исследованиях вместо слова «святой» в суфийском контексте обычно употребляют «избранник Божий» и некоторые другие термины.

³³ Букв.: имел сказать.

ского...»³⁴ [Dugin, 1943. P. 326]. Помимо этой цели Дугин, несомненно, выполнял еще и благородную миссию ознакомления зарубежных, прежде всего западных коллег с достижениями русской школы востоковедения, о которых они порой даже в наш век всеобщих коммуникаций имеют весьма смутное представление.

Комментарии Дугина интересны и ценны. Не рассматривая здесь отдельные примеры из его перевода лингвистических особенностей языка сочинения, остановимся лишь на одном комментарии, в котором переводчик выдвигает оригинальную, сколь и спорную гипотезу. Так, возражая Жуковскому в том, что многие черты языка *Каиф ал-Махджуб* представляют собой особенности и архаизмы, Дугин пишет: «Однако с того момента, как я предпринял изучение того вида персидского языка, который используется в настоящее время в Афганистане, я пришел к твердому убеждению, что многие из этих особенностей, обычно считающихся архаизмами, таковыми не являются и не подчинены фактору времени, но относятся к определенной местности, а именно к большой полосе территорий, простирающихся от Бухары и Самарканда до пределов Индии и включающих сегодняшней Хорасан и Афганистан. Другими словами, эти 'особенности' носят географический характер, а не исторический» [Dugin, 1943. P. 362–363]. Эта гипотеза, безусловно, интересна, но ее принятие сопряжено с рядом трудностей. В ней не учитывается тот факт, что в сложении языка классической персидской литературы принимали участие поэты, писатели и мыслители — выходцы из разных областей огромного единого персоязычного пространства от пределов нынешнего Ирака и Южного Кавказа до северо-западной Индии и от Персидского Залива до территорий к северу от современного Туркменистана и городов Самарканда и Бухары. И хотя влияние диалектов Хорасана, куда входил и регион нынешнего Афганистана (восточный Хорасан), на нормы ранне-новоперсидского языка, несомненно, должно было иметь место хотя бы из-за того, что великое множество, если не

большинство персидских поэтов и богословов происходило из Хорасана, после того, как этот язык сложился, сформировались единые его каноны и лексика для всего указанного географического пространства. Поэты и философы (за редким исключением) не писали на местных диалектах, а использовали эту единую литературную форму новоперсидского языка. Поэтому, независимо от того, из какого региона изначально пришли в этот язык те или иные грамматические конструкции и лексика, они в итоге сделались всеобщим достоянием литературы соответствующего жанра и могли появиться в трудах любого грамотного человека, писавшего по-персидски, независимо от места его происхождения³⁵. О диалектном делении той эпохи мы почти ничего не знаем, однако с синхронной точки зрения объединение всего Хорасана, включая западный, с Афганистаном в лингвистическом отношении не основано на реальности.

Далее Дугин продолжает: «Я думаю, что я определенно доказал в другом месте идентичность (identity) таджикского языка Бухары не только разговорному языку сегодняшнего Афганистана, но и 'старому языку Герата', как он представлен в *Табакат ас-суфийа*» [Dugin, 1943. P. 363]. Под «другим местом» автор подразумевает свой Очерк («Stray notes on Kābulī Persian», см. выше). О недопустимости объединения гератского диалекта с говорами дари центрального и северного Афганистана, по крайней мере, с синхронной точки зрения, уже говорилось при обзоре данного Очерка. Здесь же укажем на неправомерность не только представления об *идентичности* (!) таджикских диалектов, особенно северных (Бухары и Самарканда), говорам современного дари и, в частности, кабульскому, но об идентичности самих северных таджикских диалектов говорам центрального и южного Таджикиста-

³⁴ Здесь и ниже перевод наш. — Ю. И.

³⁵ Ср.: «Постепенно язык фарси-и дари сделался главным литературным языком в Средней Азии, Иране, мусульманском Закавказье, Малой Азии, Афганистане и Северной Индии, сохранив повсеместно стабильность морфологии, синтаксиса и в несколько меньшей степени лексики» [Соколов и др., 1971. С. 22]. См. о том же в «Основах иранского языкознания» [ОИЯ, 1982. С. 7–8].

на. Правда, эпистолярный стиль таджикского языка вплоть до времени советизации данного региона был действительно весьма схож с эпистолярным и канцелярским стилями дари XX в., но к живым диалектам это отношения не имело. Рассмотренные суждения Дугина еще раз подтверждают уже отмеченный выше факт, что маститый ученый был более знаком с письменными источниками, чем с живой стихией обывательской речи и местных диалектов и не делал особого различия между этими реалиями³⁶, что не отразилось, однако, на весьма ценных его наблюдениях и выводах в Очерках (см. выше), как и не умаляет достоинств его статьи о *Кашф ал-Махджуб*.

В заключение остается кратко упомянуть еще и большую переводческую деятельность Богданова-Дугина, его переводы на английский и французский языки работ коллег из России (ср. его статью о *Кашф ал-Махджуб*). Публикуя их, он внес немалый вклад в популяризацию русского востоковедения на Западе и в мире в целом. Безусловно, блестящее знание языков позволяло ему предпринимать этот нелегкий и

весьма затратный по времени труд. Назовем здесь вышедшие в переводе Богданова в 1922 г. две статьи К. А. Иностранцева³⁷, посвященные парсам: “The Emigration of the Parsis to India and the Musulman World in the Middle of the 8th Century” [См.: Inostrantsev, 1922a] и “The Parsi Funeral Ceremony as Illustrated in the Gujrati Version of the Book of Arta Viraf” [См.: Inostrantsev, 1922b], и изданные по-французски в 1938 г. «Сказки попугая»: “Les contes du perroquet”, впервые опубликованные в персидском оригинале Жуковским [См.: Les contes du perroquet..., 1938].

Подводя итог сказанному, хочется провести некоторую параллель между Богдановым-Дугиным и великим востоковедом русского происхождения В. А. Ивановым, которому мы посвятили отдельную статью. Между их судьбами прослеживается немало общего. И оба, прожив и проработав почти целую жизнь в эмиграции, оставались верными российской школе востоковедения, что выразилось, в том числе, в их солидном вкладе в пополнение рукописного и литографского фондов Азиатского Музея.

Использованная литература

Богданов, 1909: *Богданов Л. Ф.* Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном положении. Пособие для слушателей Курсов Востоковедения [Persia in the Geographical, Religious, Everyday, Commercial, Industrial and Administrative Aspects. Manual for students of Oriental Studies Courses]. СПб.: изд. «И. Бораганского», 1909.

Жизнь и речи..., 1899: Жизнь и речи старца Мейхенейского [Life and Speeches of the Sufi Elder from Meiheneh]. Персидский текст. СПб., 1899.

Иоаннесян, 2024: *Иоаннесян Ю. А.* Из истории изучения и классификации персидских и других западно-иранских диалектов [From the History of the Study and Classification of Persian and Other West Iranian Dialects] // *Mongolica*. 2024. Т. XXVII. № 1. С. 18–24.

Иоаннесян, 2015: *Иоаннесян Ю. А.* Некоторые общие особенности ряда персидских и других за-

падных иранских диалектов, отраженные в языке «Табакат ас-суфийа» А. Ансари [Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and Other Western Iranian Dialects Reflected in the Language of the “Tabaqat of Sufiya” by A. Ansari] // На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 141–153.

ОИЯ, 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian languages: the western group, Caspian languages]. Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.

Раскрытие скрытого за завесой, 1926: Раскрытие скрытого за завесой («Кашф-аль-Махджуб») Абу-ль-Хасана Али ибн Осман ибн-Аби-Али аль-Джуляби аль-Худжвири аль-Газнави. Персидский текст, указатели и предисловие В. А. Жуковский; предисл.: А. Ромаскевич [The Unveiling of the Veiled (“Kashf al-Mahjub”)]. Л., 1926.

Сказки попугая..., 1887: Сказки попугая. Спор чашки с кальяном [The Parrot’s Tales. Dispute between

³⁶ В этом наш автор был не одинок. Как утверждает в «Основах иранского языкознания», «многие иранисты-языковеды в прошлом не проводили четкой грани между классическим и современным персидским» [ОИЯ, 1982. С. 14].

³⁷ Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) — русский и советский историк-востоковед.

а Cup and a Hookah]. Выбрал и словарем снабдил В. А. Жуковский: Издания Факультета восточных языков Имп. С. Петерб. Университета, 1887.

Соколов и др., 1971: Соколов С. Н., Болдырев А. Н., Розенфельд А. З., Рычкова Н. П., Гарбузова В. С. Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Курс лекций [A Brief History of Iran, Afghanistan and India. Lecture course]. Л.: изд. ЛГУ, 1971.

Тайны единения..., 1899: Тайны единения с Богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишие Абу Са'ида. Персидские тексты / В. А. Жуковский [Secrets of Communion with God in the Exploits of the Elder Abu Sa'id. Interpretation of the quatrain of Abu Sa'id. Persian texts]. СПб., 1899.

Фархади, 1974: Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане (пер. с франц. Б. Я. Островского) [Colloquial Farsi in Afghanistan]. М., 1974.

Bogdanov, 1930: *Bogdanov L.* Stray Notes on Kābuli-Persian // JASB, N.S. Vol. 26, Calcutta, 1930. P. 1–123.

Dugin, 1943: *Dugin L. S.* The Kashfu-l-Mahjūb of Abū-l-Hasan 'Alī al-Jullābī // Journal of the Royal Society of Bengal. 1942. Vol. 8. Calcutta, 1943. P. 315–379.

Frye, 1946: *Frye R.* Leonidas Stanislas Bogdanov 1881–1945 [Obituary] // The Moslem World. Vol. 36/3. 1946. P. 278.

Inostrantsev, 1922a: *Inostrantsev K.* The Emigration of the Parsis to India and the Musulman World in the Middle of the 8th Century // *Journal of the K. R. Cama Oriental Institute (JCOI)*. 1922. No. 1. P. 33–70.

Inostrantsev, 1922b: *Inostrantsev K.* The Parsi Funeral Ceremony as Illustrated in the Gujrati Version of the Book of Arta Viraf // *JCOI*. 1922. No. 1. P. 71–74.

Les contes du perroquet..., 1938: Les contes du perroquet. Texte persan traduit pour la première fois en français par L. Bogdanov. Traduction. P.: Geuthner, 1938.

L. F. BOGDANOV/L. S. DUGIN — AN EXTRAORDINARY IRANOLOGIST, RESEARCHER, TRANSLATOR

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The purpose of this article is highlighting the stages of the biography and a selective review of the works of the Russian and French orientalist and diplomat, a graduate of the St. Petersburg University L. Bogdanov, who spent most of his life outside of Russia and made a valuable contribution to both Iranian studies and to popularizing the achievements of the Russian school of oriental studies abroad. The article uses materials from the Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and examines the main works of the scholar.

Key words: Iranian studies, Iranian dialectology, history of oriental studies.

About the author: **Youli A. IOANNESYAN**, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Section of Middle Eastern Studies of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128.